

Харузина Вера Николаевна

На севере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В31

В31 **Вера Николаевна Х.**
На севере / Харузина Вера Николаевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 237 с.

ISBN 978-5-521-28913-4

ISBN 978-5-521-28913-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ляютъ однообразную картину на десятки верстъ растянувшагося лѣса, и невольно радуешься, когда послѣ долгаго пути черезъ лѣса вдругъ увидишь сѣрыя волны этихъ озеръ.

Укшезеро составляетъ часть огромнаго водоема, который состоитъ изъ трехъ озеръ: Пертозера, Кончезера и Укшезера. При этомъ замѣчательно, что Пертозеро лежитъ выше Кончезера, и это послѣднее выше Укшезера. Пертозеро, соединенное съ Кончезеромъ посредствомъ шлюза, приводитъ въ дѣйствіе Кончезерскій заводъ. Этотъ заводъ, основанный въ 1707 году Петромъ Великимъ и назначенный имъ для плавки мѣди, съ 1753 года прекратилъ мѣдно-плавильное производство и теперь исключительно занимается выплавкою изъ болотныхъ и озерныхъ рудъ чугуна, который потомъ отправляется на Петрозаводскій Александровскій заводъ. Съ шлюза, соединяющаго Пертозеро съ Кончезеромъ видны оба озера. Особенно красиво Кончезеро съ массою острововъ. Острова, вообще, оживляютъ иногда громадную, однообразную гладь сѣверныхъ озеръ. Здѣсь же ихъ цѣлая масса—они пестрятъ все озеро; замѣчательно, что всѣ они лежатъ въ одномъ направленіи — вдоль озера и всѣ носятъ имя какого-нибудь святаго, кромѣ одного, который легъ поперекъ и поэтому прозывается „Дуракомъ“.

Проѣхали Кончезерское селеніе. На дорогѣ встрѣчались намъ цѣлыя группы разряженныхъ крестьянъ. Троицынъ день—храмовой праздникъ и открытіе ярмарки въ Кончезерѣ; поэтому сюда собрался народъ изъ сосѣднихъ деревень. Нашъ ям-

щикъ, парень лѣтъ 25-ти, очевидно желая щегольнуть передъ проходящими по дорогѣ бабами и дѣвушками, лихо бокомъ усѣлся на облучкѣ и погналъ лошадей, что есть мочи. Лошади неслись вскачь, почти разстилаясь.

Вдругъ случилось что-то необычайное—какой-то толчекъ; неясно замелькало все въ глазахъ; почувствовался сильный ударъ. Дѣло объяснилось очень просто. На полномъ скаку телѣга соскочила съ бонда и насъ вывалило. Очнувшись отъ минутнаго обморока, я прежде всего увидала телѣгу, всю изломанную, колесо, валявшееся поодаль и ямщика, бившаго себя по поламъ и кричавшаго неистовымъ голосомъ: „Батюшки, пособите! Добрые люди, пособите!“.

Подошли „добрые люди“—три парня, очевидно отправлявшіеся на ярмарку—подняли телѣгу, вправили кое-какъ колесо.

„Батюшки мои, что же тутъ дѣлать! Вотъ приключилось! Батюшки, какъ же тутъ быть!“ восклицалъ между тѣмъ совсѣмъ растерявшійся ямщикъ.

„Добрые люди“ стали спрашивать, какъ все это случилось, потомъ начали подавать совѣты и подь конецъ напомнили, что тутъ рядомъ есть деревня—Кончезерская Чупа—что всего лучше направиться туда.

Кончезерская Чупа—деревушка, состоящая всего изъ нѣсколькихъ дворовъ, дѣйствительно, оказалась въ двухъ шагахъ. Деревня, впрочемъ, на этотъ разъ была почти совершенно пуста: всѣ ушли въ Кончезеро. Разыскали, однако, какого-то старика. Но онъ, посмотрѣвъ сначала на наши сильно

расшибленные лица и руки и, боясь, очевидно, что его притянуть въ свидѣтели, испуганно бросился отъ насъ въ сторону: „Не видалъ ничего. . . и нѣту у меня ничего. . . . не знаю“, быстро заговорилъ онъ.

„Да дай же воды, дѣдушка“.

„Нѣту у меня ничего—вотъ озеро близко, пойдите туда“.

Тотъ же результатъ у двухъ бабъ, проходившихъ мимо.

„И ничего не видали—и знать мы ничего не знаемъ“, замахали онѣ на насъ руками. „Вотъ озеро—воды много“ — и онѣ поспѣшно удалились.

„А вотъ сюда ступайте. Хозяйка така добра. Вотъ, въ эту-то избу“, кричали намъ между тѣмъ мужики, пособившіе ямщику и теперь послѣдовавшіе за нами.

Хозяйка, дѣйствительно, оказалась хорошей. Живо вспоминается мнѣ она: на 50-мъ году все еще бодрая и стройная женщина, съ правильными чертами лица, прекрасными свѣтло-кариими глазами, полными живой мысли, глубокой доброты и силы воли. Она приняла насъ радушно, принесла воды, деревяннаго масла, сама стала ухаживать за нами.

Праздникомъ пользуются для того, чтобы побывать другъ у друга въ гостяхъ. Поэтому въ избу то и дѣло входилъ празднично одѣтый народъ. Здоровались всѣ за руку. Женщины иногда цѣловались, т. е. обнимались и прикладывались другъ къ другу щеками (такого рода привѣтствія между женщинами намъ неоднократно случалось замѣчать въ Олонецкой губерніи); затѣмъ чинно садились

по лавкамъ. Говорили больше старшіе, хотя и молодые принимали участіе въ общемъ разговорѣ. Нѣкоторые разговаривали по-корельски *).

Посидѣвъ немного, гости вставали и уходили; кое-кто оставался пить чай. Вернулись также нѣкоторые члены семейства нашей хозяйки. Два мальчика усѣлись въ уголъ играть въ шашки; дѣвочка лѣтъ 3-хъ, переваливаясь на толстенькихъ ножкахъ, ковыляла по комнатѣ и всѣмъ показывала купленные на ярмаркѣ леденцы и уже замусоленные разноцвѣтныя бумажки изъ подъ карамели.

Происшествіе съ нами скоро стало извѣстно всѣмъ находившимся въ то время въ Кончезерѣ и въ Кончезерской чупѣ. Приходили взглянуть на насъ; насъ разсматривали, жалѣли; качали головами, выслушивая отъ хозяйки подробный рассказъ о случившемся.

„Какъ ихъ, Господи... въ кровь!... этакъ и убить до смерти можно“... „Хорошо—на ровномъ мѣстѣ еще—а дальше тамъ камни пойдутъ—такъ тамъ бы...“ „Тутъ ужъ ямщикъ виноватъ“. „Кто же, какъ не онъ?...“ „Да и то сказать, по ровной дорогѣ—и подумать нельзя было“.

Особенно горячился одинъ старикъ, успѣвшій, какъ казалось, угоститься на ярмаркѣ. Онъ положительно не отходилъ отъ насъ.

„Ямщикъ виноватъ, вѣстимо—чего смотреть? Не видитъ онъ, тарантасъ какой у него? Ты, баринъ,

*; Знаніе корельскаго языка объясняется тѣмъ, что около Кончезера, а именно на западномъ берегу его, находится нѣсколько корельскихъ селеній

пожалуйся, безпремѣнно пожалуйся. И губернатору не надо, а Царю-батюшкѣ пожалуйся. Теперь ты поѣхалъ—съ тобой случилось. А поѣдетъ онъ—и его разобьютъ. Что тутъ станешь дѣлать? А кто виновать? Ямщикъ виновать. Съ насъ деньги берутъ—а кто станцію держитъ—тотъ и смотри. Съ насъ взыщутъ. А мы чѣмъ виноваты?“

„Васильичъ!“ послышался изъ сосѣдней комнаты голосъ хозяйки. „Пой сюда“.

Но старика трудно было уговорить.

„Постой, я не все сказалъ. Что бабы знаютъ? Ты, баринъ, слухай меня—пожалуйся, безпремѣнно. Потому, намъ отъ того польза будетъ. Самому Государю, въ Питерѣ, пожалуйся“.

„Васильичъ, ужинать садись—крещенные-то всѣ сѣли“, снова раздался голосъ хозяйки.

„Постой, иду сейчасъ“—и опять начиналось то же самое. „Ты пожалуйся, потому такъ-то съ самими Государемъ-батюшкой сдѣлать могутъ.“

„Васильичъ, барину ты наскучишь“. Хозяйка наконецъ явилась сама и увела съ собою все еще разсуждаващаго старика.

Гостей осталось ночевать очень много—пришлось поэтому потѣсниться. Трехъ мальчиковъ надѣлили полушубками и отправили спать въ сарай. Остальнымъ постлали тюфяки на полу. Хозяйка положила свою маленькую внучку около себя.

Мнѣ не спалось. Въ избѣ было душно, но изъ оконъ страшно дуло; сердито гудѣлъ вѣтеръ вокругъ дома; блѣдное мерцаніе бѣлой сѣверной ночи освѣщало комнату. Рядами растянутые тюфяки были заняты бабами и дѣвушками. Мѣрное ды-

ханіе здороваго сна слышалось со всѣхъ сторонъ. Вдругъ проснулась дѣвочка и громко закричала. Хозяйка мгновенно вскочила. „Богъ съ тобой, Дунюшка—что тебѣ?“ зашептала она. „Ну перестань—Ангель съ тобой хранитель“. Прижавшаяся къ ней дѣвочка скоро затихла.

На слѣдующее утро меня разбудилъ говоръ проснувшихся и встававшихъ вокругъ меня бабъ. Спали всѣ въ платьяхъ—поэтому привести себя въ порядокъ было недолго. Всѣ онѣ поочередно, позѣвывая и потягиваясь, подходили къ рукомойнику, висѣвшему около печки, пригоршнями брызгали себѣ водой въ лицо, потомъ лѣниво обдергивали на себѣ платья и поправляли головные платки. Стали выносить тюфяки. Меня обходили, стараясь не шумѣть. „Спать?... пушай себѣ спать; непривычны рано-то вставать... да и легко ли?“

Принялись за стряпню. Шель говоръ, прерываемый учащеннымъ дыханіемъ людей, занятыхъ труднымъ дѣломъ; раздавались удары тѣста, брошеннаго сильной рукой о столъ, частыя постукиванья мотовки о край горшка, поскребыванье ножика, собирающаго муку со стола. Ярко запылалъ огонь въ печи, загремѣли горшки и сковороды. Торопливые шаги ходили взадъ и впередъ по комнатѣ отъ стола къ печкѣ и отъ печки къ полкамъ.

Въ комнату то и дѣло входили мужики; повторилось то же, что и при вставаньѣ бабъ: позѣвыванье, лѣнивыя движенія несовсѣмъ проснувшихся людей, полосканье у рукомойника. Наконецъ сѣли за столъ въ переднемъ углу. Другой столъ, на которомъ приготовляли стряпню, бабы чисто вымыли.

Мы рѣшили ѣхать дальше. На Кончезерскую станцію послали за лошадьми. Приѣхавшій тарантасъ тщательно осмотрѣли всѣ присутствовавшіе „Небось—этотъ крѣпокъ будетъ и ямщикъ хороший—знающій... небось“ успокаивали насъ со всѣхъ сторонъ.

„Ну, Господь съ вами... Дай вамъ Богъ... Путь добрый!“ „Будете опять въ нашей сторонѣ—заѣзжайте въ нашу чупу“—такими привѣтливыми словами провожали насъ наши гостепріимные хозяева. Денегъ за ночлегъ они ни за что не хотѣли взять: „Что вы, что вы... какъ можно?... да вы у насъ ничего и не ѣли... а за постой, что вы?“

Еще долго стояла пестрая толпа на крыльцѣ и около избы. Среди всѣхъ возвышалась фигура хозяйки, глядѣвшей намъ вслѣдъ, придерживая въ то же время за руку Дуню, которая дѣлала всевозможныя усилія освободиться, чтобы поднять какой то предметъ на полу, занимавшій ее.

„Какая хорошая женщина наша хозяйка“, сказали мы ямщику, еще находясь совершенно подъ впечатлѣніемъ радушія этой семьи, все тепло котораго мы особенно почувствовали въ минуту невзгоды.

„Хорошая она... Да она и въ Питерѣ была—знаетъ, какъ обойтись“, задумчиво замѣтилъ нашъ ямщикъ, полуоборотясь къ намъ.

Безмолвная лѣсная чаща по обѣимъ сторонамъ дороги; ясное голубое небо, усѣянное бѣлыми облаками, игра утреннихъ лучей солнца на свѣжей листвѣ деревьевъ — вотъ общее впечатлѣніе отъ

этихъ послѣднихъ 15-ти верстъ до Кивача, оставившее неизгладимый слѣдъ въ моей памяти.

Ямщикъ внезапно осадилъ лошадей. Мы находились на краю крутого спуска. Таинственно шумѣлъ по сторонамъ лѣсъ, весь пропитанный солнечными лучами. Изъ за его густой зеленой стѣны слышался могучій ревъ. Откуда-то несся запахъ свѣжести.

„Пышкомъ бы тутъ пройти вамъ; а я бы тихоньку и спустился за вами. Падунъ (водопадъ) тутъ то и есть“.

...Голубая красавица Суна гнѣвно метала бѣлые клубы пѣны по камнямъ пороговъ. Шумя и спѣша убѣгала она, скрываясь за крутыми извилинами лѣсистыхъ зеленыхъ береговъ. Выше „падунъ“ сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ въ лучахъ солнца. Бѣлая пѣна, бѣлая водяная пыль—все смѣшалось и образовало одну сплошную массу, kloчущую, разрывающуюся, дробящуюся и сливающуюся снова. Утренніе лучи солнца, преломляясь, ложились блестящей радугой у ногъ падуна. Мрачно выдвигались черные утесы изъ kloчущей пѣны.

Голубая красавица Суна тихо выплываетъ изъ лѣсу; плавно и мирно катитъ она свои свѣтлыя волны, не подозрѣвая опасности. И вдругъ видитъ—стоятъ черные, мрачные утесы, загородили, заступили ей дорогу. И проситъ красавица Суна: „пропустите, утесы, дайте дорогу“. Стоятъ черные утесы, усмѣхаются: „попробуй, красавица, сама пройти—авось посчастливится; держать насильно не станемъ“. Видитъ Суна—пройти трудно будетъ, и заворачиваетъ она тихонько въ сторону, чтобы выиграть время. А сама все ластится: „дайте прой-

ти, утесы!“ „Проходи, проходи, красавица.“ И рѣшилась Суна на трудное дѣло: пройти во что бы то ни стало. Бросается она грудью на утесы, спѣшить, мечется въ разныя стороны. Разрываютъ ее утесы, ставятъ преграды, ловятъ красавицу—да вырывается она всею силою—вотъ и вырвалась, и, еще утомленная трудной, почти непосильной борьбой, гнѣвная, испуганная, собирая разрозненные струи, бѣжитъ она изо всѣхъ силъ дальше . отъ мѣста страшной борьбы.

Самый лучший видъ на водопадъ Кивачъ открывается съ такъ называемаго Царскаго Дворца *), поставленнаго здѣсь для пріѣзда Государя Александра II въ 1858 г. Построенный по образцу павильона при Рейнскомъ водопадѣ, царскій павильонъ красиво ютится среди зелени деревьевъ. Легкая, едва замѣтная, водяная пыль долетаетъ до его балкона—до того близко стоитъ онъ къ водопаду. Кругомъ шумъ и ревъ: грохочетъ водопадъ; шумитъ, ударяясь о скалистый берегъ, освободившаяся Суна; шумитъ и кипитъ кругомъ отведенная въ сторону часть воды, которая, огибая павильонъ, покрытая бѣлой пѣной, стремительно пробѣгаетъ по деревяннымъ желобамъ и спѣшить снова соединиться съ родными струями.

„Жаль, что вы поздно ѣдете на Кивачъ, говорили намъ въ Петрозаводскѣ; лучшее время для поѣздки на Кивачъ—ранняя весна, когда гонять

*) Билеты для входа въ этотъ павильонъ можно достать у управляющаго Петрозав. Александр. завода, также у управл. Кончезерск. завода.

лѣсъ. Вотъ что дѣйствительно интересно посмотреть.“ Когда весною сплавляютъ лѣсъ по Сунѣ, отдѣльныя бревна часто застрѣваютъ среди утесовъ на Кивачѣ. Мужики, которымъ порученъ надзоръ за лѣсомъ, протягиваютъ канатъ съ одного берега на другой и надѣваютъ на него такъ называемую „люльку“, въ которую садится одинъ изъ мужиковъ. Наклоняясь осторожно изъ „люльки“, онъ долженъ багромъ отцѣпить застрявшія бревна. Можетъ быть интересная, но за то какая страшная картина! Видѣть человѣка почти что въ рукахъ смерти, который отъ одного неловкаго движенія можетъ скатиться въ эту клокочущую бездну, изъ которой иногда самыя толстыя бревна выходятъ изломанными въ щепки....

Ревъ водопада давно остался за нами; мы возвращаемся въ Петрозаводскъ. Опять окружаетъ насъ безмолвіе лѣса. Тѣ же мѣста—только при другомъ освѣщеніи. Дневные лучи солнца жарче и живѣе утреннихъ, и какъ будто больше живетъ и дышетъ кругомъ природа.... Осталась въ сторонѣ внизу привѣтливая Кончезерская Чупа. Деревня пуста, не видно никакого оживленія. Мирно лежитъ она на берегу озера, верхушками своихъ крышъ вырисовываясь на свѣтлыхъ волнахъ его.

Вотъ и Кончезеро — шлюзъ, красное зданіе завода, красная церковь. Бросаешь послѣдній прощальный взглядъ на Укшезеро; въ послѣдній разъ любишься Шуей, теперь уже освѣщенной мягкими золотистыми лучами заката,—вотъ и Онежское озеро засинѣлось вдали—вотъ и городъ развертывается передъ нашими глазами. Несется намъ